

Серия
“Детский сад. Дебют в России”

*Детский сад
до детского сада.
Егор Тугель*

1832-1834

Библиотека газеты
“Детский сад со всех сторон”

Детский сад со всех сторон

Егорь Гугель

Детский сад до детского сада

«Образовательные проекты»

Гугель Е. О.

Детский сад до детского сада / Е. О. Гугель — «Образовательные проекты», — (Детский сад со всех сторон)

ISBN 978-5-98368-001-3

«Первый детский сад в России был открыт госпожой Люгемиль 140 лет назад, в 1863 году, в Петербурге, на углу Большого проспекта и 9-й линии Васильевского острова. Но за тридцать лет до того в небольшом домике в Гатчинском парке на собственные средства двух молодых педагогов для десяти мальчиков от четырех до шести лет открылась небольшая – школа не школа – вроде бы школа по названию, однако, предназначенная не для обучения, а для придания «правильного направления в развитии детских способностей»... В общем, открылось нечто, куда дети прибегали по утрам с радостью, а расходились с плачем. И просуществовала эта «школа не школа» в этих руках и в таком виде около двух лет...»

ISBN 978-5-98368-001-3

© Гугель Е. О.
© Образовательные проекты

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	8
Воспоминания о Егоре Осиповиче Гугеле	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Егорь Гугель

Детский сад до детского сада

Предисловие

Первый детский сад в России был открыт госпожой Люгебиль 140 лет назад, в 1863 году, в Петербурге, на углу Большого проспекта и 9-й линии Васильевского острова.

Но за тридцать лет до того в небольшом домике в Гатчинском парке на собственные средства двух молодых педагогов для десяти мальчиков от четырех до шести лет открылась небольшая – школа не школа – вроде бы школа по названию, однако, предназначенная не для обучения, а для придания «правильного направления в развитии детских способностей»... В общем, открылось нечто, куда дети прибегали по утрам с радостью, а расходились с плачем. И просуществовала эта «школа не школа» в этих руках и в таком виде около двух лет.

Вскоре один из друзей напишет и первую в русской истории обстоятельную статью, посвященную дошкольному воспитанию. И издаст ее в первом российском «Педагогическом журнале», который они же и создадут.

А еще через несколько лет по ими представленному проекту выйдет и первый отечественный «нормативный документ», посвященный дошкольному воспитанию. И документ этот будет торжественно скреплен императорской подписью.

Все это происходило до того, как Фридрих Фребель произнес во всеуслышание слова: «Детский сад». Но в те самые годы, когда он готовился их произнести.

Совершались ли опыты в Тюрингии и Гатчине независимо друг от друга? Вроде бы да. Но скорее их стоит считать разными побегами из одного корня. Ведь и Фребель прежде всего опирался на идеи своего учителя, Генриха Песталоцци. А другим учеником Песталоцци был пастор фон Муральдт – учитель Егора Гугеля, того из названных нами друзей, кому и принадлежала вся инициатива в дошкольных проектах. А его товарищ и соратник Петр Гурьев, подхватывавший и поддерживавший эти проекты, оставит через четверть века подробный рассказ о своем друге, которым мы отчасти и воспользуемся в этом номере.

Так что Егора Осиповича Гугеля – первого российского исследователя дошкольной педагогики – можно окрестить «педагогическим племянником» Фребеля, хоть и не знавшим о своем родстве.

Конечно, масштаб и новаторство опытов Фребеля и Гугеля различались. Гугель отталкивался от известных на тот момент европейских опытов «школ для малолетних детей», Фребель создавал нечто, не имевшее аналогов. Но созвучным было их общее направление, одухотворенность, понимание сути своего дела.

Должность, на которой развернулась деятельность Егора Гугеля была весьма почетна для его двадцативосьмилетнего возраста: «инспектор классов» в Гатчинском Воспитательном доме – одном из крупнейших учебных заведений первой половины XIX века. «Инспектор классов» – то есть человек, заведующий всей учебной частью. (Через четверть века на этом месте в той же должности будет работать К.Д. Ушинский, который в одной из своих работ назовет Гугеля «едва ли не самым замечательным из русских педагогов»).

Гатчинский Воспитательный дом (до 1817 года – Гатчинский сельский воспитательный дом, после 1837 года – Императорский Гатчинский Сиротский институт) был создан в 1803 году указом Александра I по прошению императрицы Марии Федоровны для призрения и обучения сирот всякого звания: сперва после 10 лет, потом – после 7, и, наконец, с четырех. Курс обучения в Воспитательном доме год за годом возрастал от программы, близкой

к начальной сельской школе, до курса классической гимназии. Число воспитанников доходило до 1000 человек.

Вроде бы Гугелю не с чего было жаловаться на судьбу. Но насколько парадоксально выглядят судьба и дела его относительно друг друга!

Немецкий мальчик, переехавший в Петербург в пятилетнем возрасте, осваивавший русский язык в зрелые годы как иностранный – станет одним из первых выдающихся русских методистов-словесников. (Будь наш рассказ более обращен к начальному образованию, то в огромной степени следовало бы посвятить его борьбе Гугеля и Гурьева за осмысленную методику преподавания родного языка. Удивительно современно читаются их сочинения, посвященные «методу Жакото». Слово речь идет о защите нынешних методов обучения грамоте, отстаивающих движение от понимания к озвучиванию, от смысла к букве. Вместо имен Жирара и Жакото порой хочется подставить имена А.М.Кушнира, Е.Е.Шулеико, А.М.Лобка).

Гугелю никак нельзя было ссылаться на недостаточность административной поддержки своих замыслов; надломился он как раз от избытка должностных прав и обязанностей, столь мало соответствовавших живой натуре талантливого педагога... И человеку, чьи работы были едва ли не в первую очередь посвящены «укреплению умственных сил» детей, этой крепости умственных сил со временем и не достанет...

Мы надеемся, что перед вами на страницах этого номера предстанет трогательная, увлеченная и обаятельная личность первого труженика российской «детсадовской педагогики», первого отечественного Дон Кихота дошкольного детства.

Редакция газеты

«Детский сад со всех сторон»

...После этих великих имен осмелюсь произнести имя человека, которого заслуги так же мало известны у нас, как эйлерова алгебра или заслуги Жирара в Европе, и который был оценен только своим просвещенным начальством.

Я говорю о незабвенном Гугеле. Не зная методы Жирара, он угадал ее; в этом мог увериться всякий, кто только говорил с этим глубоким педагогом или в гатчинском учебном заведении присутствовал при его «разговорах с детьми» – так он называл свое преподавание.

О Гугеле нельзя судить вполне по изданным им книгам, хотя они все-таки лучшие, если не единственные, действительно педагогические книги в нашей литературе. Надобно было видеть его в кругу детей, надобно было видеть детей вокруг него, оживленных его речью; казалось, с каждым ребенком он употреблял особый прием разговора; с каждым он говорил языком, ему вполне понятным. Как глубоко он знал все сокровеннейшие изгибы детского ума, с каким материнским сочувствием он выводил на свет мысли или понятия, запавшие в тайнике души младенческой, за минуту ей самой неизвестные; казалось даже, что он обладал даром, которым еще не мог похвалиться ни один педагог, – даром предугадывать ответ ребенка.

Здесь любовь и наука достигали степени истинного вдохновения; лишь высокая душа могла так глубоко понимать младенческую душу. Педагогия была жизнью Гугеля, элементарное преподавание так сроднилось с его душой, что его истинно гениальные разговоры с детьми казались ему делом весьма обыкновенным, доступным для всякого; ему казалось, что если он набросает на бумагу несколько приемов, то всякий учитель поймет, в чем дело. В том была единственная ошибка Гугеля: он не привязал к бумаге своей заветной тайны, и она похоронилась с ним вместе – во гробе. Мир праху твоему, добрый и великий человек! Да будет мой смиренный труд свидетельством, что несколько

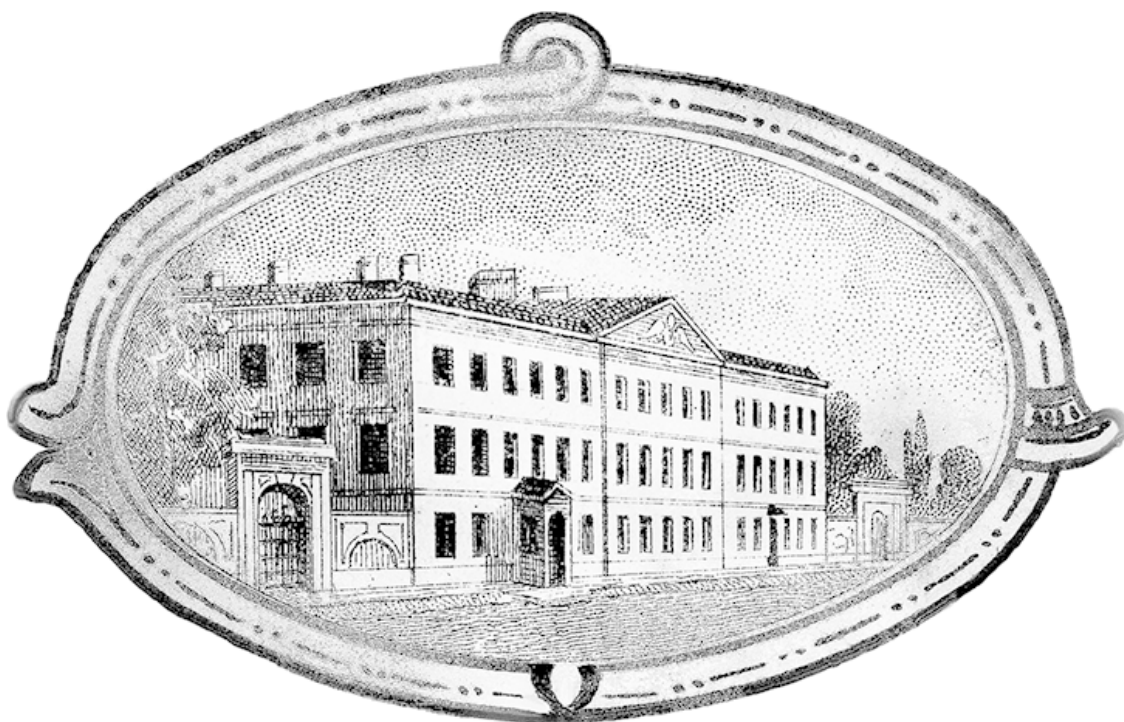
слов, которыми мы обменялись в этой жизни, не пропали даром, – лучшей награды я не желаю...

Владимир Федорович Одоевский

Часть 1

Воспоминания о Гугеле

Статья Петра Гурьева в «Русском педагогическом вестнике»
Санкт-Петербург
1859 г.

Эту статью Петр Семенович Гурьев, учитель Гатчинского Воспитательного дома, методист-математик и ближайший соратник Гугеля напишет через четверть века после интересующих нас событий. Может быть, они интересны нам даже не столько фактическими данными, сколько наблюдением за тем, что формировало ум и душу, направляло увлечения и давало возможности к успешной деятельности в еще никем доселе всерьез не обсуждавшемся воспитании маленьких детей. И каковы бывают характерные черты тех людей, которые столь органичны для детсадовской педагогики, как герой этих воспоминаний...

Редакция газеты

«Детский сад со всех сторон»

Воспоминания о Егоре Осиповиче Гугеле

История русской педагогики бедна именами, и кто хорошо знаком с нею, того несколько это не удивляет; зато тем более мы должны дорожить каждым именем, выходящим из уровня позлащенной посредственности. Бывший инспектор Гатчинского Воспитательного Дома, ныне Николаевского Сиротского Института, Егор Осипович Гугель, умерший в 1842 году, принадлежал к тем немногим у нас педагогам, память о которых должна сохраниться.

Биография Гугеля не долга и незатейлива; он родился в 1804 г. в Саксонии, в городе Гильдбурггаузене и, будучи пяти лет от роду, вместе с своим семейством переехал на жительство в Россию. И отец, и дядя, и брат Егора Осиповича были отличными музыкантами; избрав для себя все трое один и тот же инструмент – валторну, они с честью проходили свое музыкальное поприще. Только дядя Гугеля, приобретший европейскую известность своею игрою на этом инструменте, отказался от валторны, и в последние годы своей жизни, проживая в Париже, занимался преподаванием музыки на фортепьяно.

Е.О.Гугель с июля 1814 года по октябрь 1819 года обучался в С.Петербургской Петропавловской школе, где и окончил курс наук, пользуясь постоянно благосклонностью тогдашнего директора школы, известного Вейсса. Четыре года сряду после того он прожил дома без особого назначения, в беспрестанной борьбе с собою и с обстоятельствами: с одной стороны внутреннее чувство говорило ему, что истинное его призвание быть педагогом, с другой родители его, смотревшие на жизнь по-своему, побуждали его избрать такой род деятельности, который бы скорее мог доставить ему безбедное существование. «Много тяжкого, говаривал мне Гугель, вытерпел я в эти юношеские мои годы, которые для большей части людей обыкновенно бывают так богаты отрадными воспоминаниями; на все мои тогдашние занятия, которые большею частью состояли в чтении и изучении педагогических писателей, родители мои смотрели как-то враждебно, не считая этого делом и упрекая меня в том, что я праздно провожу время, когда бы мог в любой коммерческой конторе получать хорошее содержание».

Существенный недостаток многих из наших преподавателей состоит в том, что они большею частью суть люди односторонние...

К счастью для Гугеля, он вскоре сошелся с человеком, который вполне мог и понять его и дать ему надлежащее направление. В то время славился в Петербурге пансион реформатского пастора фон-Муральдта, ученика Песталоцци; туда-то, в эту педагогическую школу честного и умного швейцарца, поступил Гугель, и здесь-то собственно могла развернуться его деятельность, столь соответствовавшая его природным наклонностям.

В пансионе, где внутренняя жизнь не стеснялась никакими излишними формальностями, как это бывает в большей части казенных учебных заведений, что так много вредит в них успеху воспитания, и где в средствах к продолжению педагогического образования никогда недостатка не было по известной щедрости и гуманности Муральдта, Гугель имел возможность в течение семи лет, с 1823 по 1830 г., испробовать свои силы в разных предметах преподавания, не предназначая себя преждевременно ни к какому в особенности; кроме учительских должностей, он исполнял также в этом пансионе сперва должность гувернера, а потом инспектора классов. Вот лучшее средство, чтобы со временем быть настоящим педагогом, само собою разумеется, когда имеешь к тому еще и призвание.

Существенный недостаток многих из наших преподавателей состоит в том, что они большею частью суть люди односторонние, знакомые только с одним, много двумя и то сродственными предметами обучения, к которым сверх того еще иногда побуждаются только силою внешних, тяготеющих над ними обстоятельств. При таких условиях легче всего по прошествии нескольких лет сделаться рутинером во вред себе и своим ученикам.

Нечего и удивляться после того, что в наших общественных учебно-воспитательных заведениях, когда поглубже вникнуть в их внутренний характер, существует столько еще разногласия и неурядицы и во мнениях и действиях не только по учебной части, но и по воспитанию вообще, так что очень трудно, если не невозможно подвести все эти мнения и действия под какие-либо определенные начала педагогики. В так называемых педагогических советах или конференциях услышишь часто такие странные суждения, в особенности об общих принципах и правилах воспитания, что вскоре и удостоверяешься, как мало проникнуто у нас сословие учащихся истинным духом педагогического образования. Нет, чтобы быть педагогом, для этого еще недостаточно быть учителем какого-либо одного предмета хотя и с университетским дипломом; для этого нужно и разностороннее образование, и прямое участие как в преподавании разных научных сведений, так и в самом воспитании, кроме того, требуется хорошее знакомство со всеми возрастами детей; пока этого не поймут, до тех пор тщетно ожидать существенных улучшений в наших школах.

Он как Песталоцци, да и как все вообще педагоги с истинным призванием, жил в идеях; если он что задумывал, то только этим и был занят.

Для молодого человека, желавшего посвятить себя педагогике, не было лучшей школы как та, куда попал Гугель. С одной стороны опытный, просвещенный, с прямым и благородным характером руководитель, а с другой – довольно обширный пансион, богатый всеми возможными учебными пособиями, в котором обучалось юношество самое разнохарактерное по сословиям: там были княжеские и графские дети, были и дети иностранных неготиантов, и богатых ремесленников и чиновных особ; однако не было различия ни для кого, и вся эта разнообразная, живая толпа воспитывалась настолько свободно, сколько нужно было для проявления юношеских характеров и природных наклонностей, во всей их наготе, чтобы через то успешнее потом направлять их к благим целям жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.